

Объясненіе Льва Николаевича съ моей сестрой произошло точно такъ, какъ описанъ въ романѣ «Анна Каренина» разговоръ Кити съ Левинымъ одними начальными буквами сообщаемыхъ другъ другу словъ.

Отъ многихъ, незнавшихъ моего родства съ семьей Льва Николаевича, въ разговорѣ о разсказѣ «Крейцера Соната», я слышалъ предположеніе что онъ вѣроятно пережилъ то же, что и Познышевъ, такъ что великій талантъ и правдивая фантазія генія послужили поводомъ къ ложному обвиненію его жены.

Въ бытность мою въ Ясной Полянѣ я былъ едва ли не самый ближайшій свидѣтель ихъ семейной жизни. Близость, дружба и взаимная любовь этой четы всегда служили для меня образцомъ и идеаломъ супружескаго счастья. Достаточно упомянуть, что мои покойные родители, подобно всѣмъ родителямъ, всегда недовольные участію своихъ дѣтей, говорили: «Сонѣ лучшаго счастья пожелать нельзя!».

Всю свою жизнь она поклоняется его генію и ему самому, а любовь ея къ мужу безгранична.

Левъ Николаевичъ часто говорилъ, что онъ вполне счастливъ въ семейной жизни и что онъ нашелъ въ ней не только любящую жену и прекрасную мать, но и помощницу въ его литературной дѣятельности. Онъ постоянно посвящалъ ее во всѣ свои писательскіе замыслы, думы и чувства.

Такъ какъ оба они обладаютъ въ высшей степени прямымъ и откровеннымъ характеромъ, мнѣ часто казалось, что имъ извѣстно, что каждый изъ нихъ думаетъ въ данную минуту. Отношенія ихъ видны и ясны даже и для посторонняго.